К.В. Кичеева

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.008
УДК 811.512.153’36

Временная нелокализованность ситуаций настоящего времени с формой на *-(п)ча* в хакасском языке*

Научная новизна определяется тем, что впервые в хакасском языкознании нелокализованные во времени ситуации с формой на *-(п)ча* анализируются в функционально-семантическом аспекте.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-012-00462.

© *Кичеева К.В., 2022*

Цель работы – описание типов временной нелокализованности и выявление средств их выражения в ситуациях настоящего времени с формой на *-(п)ча* в хакасском языке. Для достижения указанной цели поставлены следующие *задачи*: 1) изучить теоретическую концепцию временной нелокализованности; 2) выделить средства выражения временной нелокализованности в высказываниях с формой на *-(п)ча*; 3) определить условия реализации одних и тех же языковых единиц в разных типах временной нелокализованности.

Методы исследования. Основным методом выступает функционально-семантический анализ, а также использованы лингвистический эксперимент, методы дословного и семантического перевода.

Результаты. Анализ ситуаций временной нелокализованности с формой на *-(п)ча* показывает, что ввиду нейтральности к оппозиции временной локализованности/нелокализованности выражение того или иного значения зависит от контекста. Выделяются и описываются языковые средства разного уровня (от морфологического до синтаксического), в которых выражение временной нелокализованности представлено наиболее ярко. Так, выявлены и описаны основные средства выражения простой повторяемости, узуальности, вневременности. Особое внимание уделено специфическим показателям временной нелокализованности, характерным только для ситуаций при участии формы на *-(п)ча.*

Ключевые слова: хакасский язык, настоящее время, индикатив, категория временной локализованности, временная нелокализованность, простая повторяемость, узуальность, вневременность

I. Введение. Изучение функциональных особенностей глаголов в аспекте функционально-семантических категорий остается одним из перспективных направлений в современной лингвистике. Особенно важным в этом отношении является анализ особенностей и средств выражения категории временной локализованности (далее – Л), которая тесно связана с глагольной категорией времени. Временная Л представляет собой функционально-семантическую категорию, состоящую из двух противопоставленных типов ситуаций: конкретные (локализованные) и неконкретные (нелокализованные) во времени [Бондарко, 2017: 210].

В хакасском языке категория времени традиционно рассматривалась в рамках изъявительного наклонения (индикатива) [Дыренкова, 1948; Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953; Карпов, 1975 и др.]. В последнее время при изучении индикативных форм глагола исследователи хакасского языка особое внимание уделяют их функционально-семантическим особенностям. Так, анализу подвергаются темпорально-аспектуальные [Боргоякова, 2005; 2016 и др.], аспектуальные [Кызласова, 2014; Кызласова, Кичеева, 2019; Кызласова, 2020б и др.], модальные [Котожекова, 1998; Кызласова, 2021 и др.] и другие конструкции с временными формами глагола. Однако ситуации временной нелокализованности (НЛ) в хакасском языке системного описания еще не получили. В связи с этим предпринятое нами исследование является актуальным.

Цель данной работы – описать типы ситуаций временной НЛ при участии формы настоящего времени на *-(п)ча* в хакасском языке.

Как известно, лингвисты уже давно отмечали противопоставление таких языковых ситуаций, как *Вода не течет* (сейчас) и *Под лежачий камень вода не течет* (вневременность). Тем не менее считается, что подобные оппозиции как самостоятельная языковая категория впервые стали рассматриваться Э. Кошмидером, которым обосновывается, что различие этих языковых фактов в польском языке происходит логически, а турецкий язык для их обозначения имеет формальные показатели. Под временной НЛ (вневременностью по Э. Кошмидеру) понимаются «абстрактные факты, не связанные со строго определенным, свойственным только им индивидуальным временем, обладающие лишь общей значимостью» [Кошмидер, 1962: 131].

На сегодняшний день существуют разные подходы к определению понятия «временная нелокализованность». Основная проблема заключается в промежуточном положении некоторых типов ситуаций, находящихся между временной Л и НЛ.

Так, например, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев итеративные ситуации, представляющие собой последовательность действий во времени, относят к сфере временной Л: *Каждый вечер он ужинал, выпивал чашку кофе, выкуривал сигарету и шел гулять* [Булыгина, Шмелев, 1997: 119]. При этом отмечается, что пространствен-

но-временная локализация подобных ситуаций неопределенная. Причем авторами не исключается возможность их отнесения к узуальным предикативным выражениям (обычным, т. е. нелокализованным во времени) [Там же: 119–120].

Нами понимание временной Л основывается на концепции, разработанной А.В. Бондарко, согласно которой вышеприведенная ситуация считается одним из типов временной НЛ – «простая повторяемость» [Бондарко, 2017: 217]. Хотя сам А.В. Бондарко и сторонники его концепции так же, как Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, отмечают переходный характер «простой повторяемости» от конкретности к неконкретности [см. Бондарко, 2017: 219–220; Смирнов, 2018: 273].

Теоретическая и практическая значимость. Результаты данного исследования могут послужить при описании типов ситуаций временной НЛ прошедшего и будущего времен в хакасском языке и для сопоставительных исследований с другими тюркскими и нетюркскими языками, а также могут быть использованы в обучении хакасскому языку как неродному и т. п.

II. Материалы и методы. Материалом исследования послужили примеры предложений с формой на *-(п)ча,* извлеченные из произведений фольклорной, художественной и публицистической литературы на хакасском языке.

В основном применялся функционально-семантический метод, который предполагает изучение разноуровневых единиц языка с учетом их взаимодействия в различных речевых ситуациях, объединенных общим семантическим содержанием. Наряду с функционально-семантическим анализом использовался метод лингвистического эксперимента, позволяющий выявить специфику реализации конкретной языковой единицы с помощью ее сопоставления в аналогичных условиях контекста.

III. Результаты. В хакасском языке описание семантики формы настоящего времени на *-п(ча)*, как и других форм времени, следовало лингвистическим традициям, согласно которым дифференциация индикативных форм к тому или иному временному плану, как правило, строилась на ориентации относительно момента речи. Так, многими исследователями хакасского языка значение данной формы рассматривается как действие или состояние, совпадающее с моментом речи [Дыренкова, 1948: 100; Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953: 452 и др.].

Н.К. Дмитриев, Ф.Г. Исхаков, кроме этой семантики, у формы на *-п(ча)* выделяют и другие значения, такие как «действие, свойственное предмету вообще и совершающееся постоянно, всегда», кроме того, отмечают ее переносное употребление в значении прошедшего и будущего времен [Дмитриев, Исхаков 1954: 133].

В.Г. Карпов в «Грамматике хакасского языка» выделяет следующие значения формы на *-(п)ча*: а) действие, совершаемое в данный момент, в момент речи; б) постоянное, непрерывное действие; в) повторяющееся, обычное действие; г) действие, являющееся постоянным свойством, признаком [Карпов, 1975: 202–203]. Кроме того, отдельно рассматриваются некоторые морфологические и лексические показатели, придающие глаголу или в целом контексту определенную семантику. К ним причислены формы «модальности *-тыр*, многократности *-гла/-гле*, совершенного вида *-ыбыс, сал, пар* и др., а также частицы *даа, ла, -ох, нооза*» [Там же: 203–204].

Современные исследователи не раз отмечают, что самостоятельно форма на *-(п)ча* выражает неопределенное настоящее время, а любое другое значение принимает при сочетании различных языковых средств [Бурнакова, 2016: 28; Боргоякова, 2016: 34; Бурнакова, Боргоякова 2020: 76].

Изучение сочетаемости глагольных аналитических форм с определенными индикативными формами, в том числе анализируемой формы, занимает отдельное место в исследованиях Т. Н. Боргояковой [Боргоякова, 2005; Боргоякова, 2013; Боргоякова, 2016 и др.].

Частотность употребления форм хакасской временной системы глагола в пословицах и поговорках анализируют Н.Н. Таскаракова, А.Н. Чугунекова [Таскаракова, Чугунекова, 2020]. Согласно проведенному ими исследованию, процент функционирования формы на *-(п)ча* в этих текстах относительно невысокий по сравнению с другими формами времени.

Сама форма настоящего времени на *-п(ча)* в хакасском языке нейтральна по отношению к оппозиции временной Л / НЛ. Например, ситуация *Хайди сіліг ол пасча* ‘Как красиво он пишет’ может восприниматься как локализованной во

времени ‘как красиво он пишет (сейчас, в данный момент)’, так и нелокализованной ‘как красиво он пишет (вообще, имеет свойство)’. Следует отметить, что в хакасском языке имеются специализированные грамматические показатели временной НЛ – это формы настоящего времени на *-(а)дыр* и прошедшего времени на *-ҷаӊ*. Для сравнения приведем следующие примеры:

1) *Хызыҷах чахсы сарнапча* ‘Девочка хорошо поет (сейчас, в данный момент)’ – актуальная локализация ситуации во времени;

2) *Хызыҷах чахсы сарнапча* ‘Девочка хорошо поет (вообще)’ – квалитативная (качественная) ситуация временной НЛ;

3) *Хызыҷых чахсы сарнидыр* ‘Девочка хорошо поет (обычно)’ – квалитативный тип временной НЛ.

Выделяют три основных типа временной НЛ: простую повторяемость, узуальность и вневременность [Бондарко, 2017; Смирнов, 2018]. Рассмотрим, в каких из этих типов ситуаций реализуется форма на *-(п)ча* в хакасском языке.

1. Простая повторяемость включает в себя «неузуальные неограниченные действия в рамках конкретного эпизода» и связана с «непосредственным наблюдением или с его воспроизведением в памяти» [Бондарко, 2017: 217]. Ср. следующие ситуации: а) *Хусхаҷахтар тапсасча* ‘Птички щебечут’; б) *Анда уғаа истіг чир: ибіре ағастар, хусхаҷахтар тапсасча, ырах нимес суғ ахча* ‘Там очень уютное место: вокруг деревья, птички щебечут, неподалеку река течет’.

В случае (а) итеративное действие, выраженное многоактным глаголом *тапсирға* ‘щебетать’, является локализованным во времени, т. е. оно происходит «здесь и сейчас». В ситуации (б) данное действие фиксируется в памяти говорящего, а в момент речи оно не локализуется.

В хакасском языке к средствам выражения простой повторяемости можно отнести грамматические (формы многократности *-ғла* (*-гле/-хла/-кле/-ла/-ле*), аналитическая форма *-(п) тур-*), лексические (итеративные глаголы, адвербиальные выражения с семантикой повторяемости и т. п.), лексико-грамматические средства (аффикс совместного залога *-ыс* (*-іс/-с*), аналитические формы *-(п) чӧр-, -(п) одыр-* при сочетании с итеративными глаголами).

Частотность самостоятельного употребления глагола с собственно итеративным значением в хакасском языке относительно невелика. Эти глаголы, как правило, и имеют склонность сочетаться с вышеперечисленными показателями итеративности. Ср.: *хар халбастанча* ‘снег кружится (сообщение факта)’ и *хар халбастан турча* ‘снег кружится (акцент на многоактное действие)’, *сазын тарапча* ‘волосы расчесывает (сообщение факта)’ и *сазын тарағлапча* ‘волосы расчесывает (акцент на многоактное и (или) разнонаправленное действие)’, *салаалар тыҷырапча* ‘ветки трещат (сообщение факта)’ и *салаалар тыҷырасча* ‘ветки трещат (акцент на многоактное действие)’ и т. п.

Благодаря этим эксплицитным выразителям итеративность может образовываться также от глаголов, не имеющих внутреннюю семантику повторяемости, ср.: *кӧрче* ‘смотрит’ – *кӧрглепче* ‘рассматривает’, *килче* ‘идет’ – *кил турча* ‘приходит (захаживает)’ и т. п.

Таким образом, за основу дифференциального признака простой повторяемости настоящего времени на *-(п)ча* в хакасском языке мы взяли оппозицию ситуации с мультипликативным (многоактным) действием и ситуации собственно итеративности.

Ситуации мультипликативного действия характеризуются внутренней кратностью. В хакасском языке, как было отмечено, внутреннюю кратность могут иметь не только глаголы с собственно итеративной семантикой, но и другие глаголы при сочетании специальных эксплицитных показателей.

Одним из основных выразителей мультипликативности действия является форма многократности *-ғла*: *Оолах, оларны кӧріп, чапсып сураглапча*[1] ‘Мальчик, увидев их, с интересом расспрашивает’ (*сура-* ‘спрашивать’); *Ооллар, хыстар лозунгтар, портреттер хазаглапчалар*[2] ‘Парни, девушки развешивают лозунги, портреты’ (букв. *хаза-* ‘колоть’).

Как видно из примеров, мультипликативные ситуации с данной формой могут быть моно- и полисубъектными. Следует отметить, что к ним

[1]Хара Паар = Хара Паар. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1979. С. 10.

[2]Кильчичаков М.Е. Пьесалар = Пьесы. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1961. С. 26.

не относятся те полисубъектные высказывания, которые указывают на разнонаправленное, разнолокализованное или разновременное действие (ср. *чатчалар* ‘лежат’ и *чатхлапчалар* ‘лежат (в разных местах)’, *нанчалар* ‘идут домой’ и *нанғлапчалар* ‘расходятся по домам (в разном направлении)’, *килчелер* ‘приходят’ и *килглепчелер* ‘приходят [один за другим] (в разное время)’).

Как известно, во многих тюркских языках реципрок (совместно-возвратный залог), кроме собственно реципрокального значения, может выражать итеративную семантику. К такому же заключению пришла И.Л. Кызласова: «реципрок в хакасском языке – это не только симметрично взаимные действия двух и более субъектов, не только совместное выполнение действия ими, а это по сути – «множественность» в разных вариациях: множество участников действия, множество ситуаций, множество актов в одном действии (мультипликативность), множество объектов» [Кызласова, 2020а: 230]. Так, аффикс реципрока *-ыс (-іс, -с)* в сочетании с формой на *-(п)ча*, как правило, выступает показателем мультипликативной ситуации в том случае, если сочетается с мультипликативными глаголами состояния или действия, локализованного на месте, и высказывание имеет более двух субъектов: *«Уғаа чахсы сарын», – сыбыхтасчалар кізілер*[1] ‘«Очень хорошая песня» – шепчутся люди’; *Чон хысхырыза түсті: «Оолахты чоо сабысты поларлар» тісчелер, көрглепчелер*[2] ‘Народ как зашумел: «Мальчика, кажется, побили до потери сознания» поговаривают, рассматривают’.

Кроме вышерассмотренных синтетических средств выражения мультипликативного действия, имеются аналитические – глагольные аналитические конструкции с десемантизированными глаголами (формантами) *тур* ‘стоять’, *одыр* ‘сидеть’, *чөр* ‘ходить’. Следует учесть, что обозначение ими семантики мультипликативности зависит, в частности, от значения основного глагола и в целом от контекста. Глагольные аналитические формы *-(ы)п турча, -(ы)п одырча,* как правило, выражают мультипликативность статичного характера, а *-(ы)п чөрче* – мультипликативность разнонаправленного действия: *Көрзе, [хузыҷах] анда ідөк ілін парған халбастан турча*[3] ‘Видит, [птица] там также, повисши, кружится’; *Сакура чикпек танға чайхалып одырча*[4] ‘Сакура покачивается от весеннего ветерка’; *Вера Семеновна Сагалакова хоости иткен халастарын кізілерге ибзер алып аларға үлеп чөрче*[5] ‘Вера Семеновна Сагалакова раздает людям свои красиво приготовленные калачи’.

Что касается *ситуаций собственно итеративности,* то кратность ее действия проявляется внешне, т. е. повторяемость имеет интервалы. Ее основными средствами в хакасском языке выступают итеративные обстоятельства: адвербиальные показатели (*хатап* ‘снова, опять, вновь’, *пазох* ‘снова, опять’, *пірееде* ‘иногда’, … *хати* ‘… раз’ и т. п.), синтаксические конструкции T_v*=за* со значением ‘(каждый раз) когда …’ и др.: *Чарых усча, түрче поларынаӊ пазох чари түсче*[6] ‘Свет гаснет, немного погодя вдруг снова загорается’; *Михаил Кильчичаков ідөк ағыринкөөлҷе, пір дее чирзер маӊзырабин пастырча. Пірее хати тик нимес аар-пеер хылчаӊнап салча*[7] ‘Михаил Кильчичаков идет также спокойно, не спеша. Временами оглядывается по сторонам’; *Хойлар хазааға наалза, өргеннер тыҷырас турча*[8] ‘(Каждый раз) когда овцы вплотную прижимаются к стойбищу, колья трещат’.

2. Узуальность (обычность) представляет собой «неограниченно-итеративные действия или действия типичные, обладающие дополнительными характеризующими значениями» [Смирнов, 2018: 273]. В отличие от простой повторяемости (а) узуальность (б) не связана с наблюдаемостью (перцептивностью), ср.: а) *Көрзе, чон хымысха чіли хайынча* ‘Видит, люди кишат как муравьи’; б) *Андағы чон күлүк, хымысха чіли*

[1]Султреков А.Е. Кооленіс көглері = Песни любви. Ч. 1. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2018. С. 153.
[2]Хара Паар. Указ. соч. С. 80.
[3]Доможаков Н.Г. Ырахсы аалда = В далеком аале. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010. С. 18.
[4]Шулбаева В. Чуртас – ол хыныс = Жизнь – это любовь. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. С. 214.
[5]Султреков А.Е. Указ. соч. С. 22.
[6]Шулбаева В. Чуртас салғағында = Превратности судьбы. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1997. С. 35.
[7]Султреков А.Е. Указ. соч. С. 33.
[8]Доможаков Н.Г. Указ. соч. С. 53.

хайынча ‘Люди тех мест трудолюбивые, работают как муравьи’.

Лексические и синтаксические средства узуальной констатации в хакасском языке мало отличаются от русского языка. Так, узуальность при участии формы настоящего времени на *-(п)ча* может выражаться семантикой самого глагола (а), лексическими конкретизаторами (б) и синтаксическими конструкциями (в): а) *Ол науканаң айғасча, көглепче*[1] ‘Он наукой занимается, поет’; *Тоғысха кірліг кип-азахтыг чөрче!*[2] ‘На работу ходит неопрятным’; б) *Мин Лешкама ай сай [ахча] ысчам*[3] ‘Я своему Лёшке ежемесячно деньги отправляю’; *Икен пеер удаа чөрче*[4] ‘Икен сюда часто ходит’; *Минің столым сині хаҷан даа тимде сағыпча*[5] ‘Мой стол тебя всегда готовым ждет’; в) *Ахча полза, суға ла салыбысчазың*[6] ‘(Каждый раз) когда деньги появляются, ты тратишь [их] в пустую’; *Наа оңдайлардаңар истіп салза, көрбинче, хысча пастыхтарны, сурып алча*[7] ‘Как только узнает о новых технологиях, [он ни что] не смотрит, требует [их] от начальства [и] добивается’.

Наличие в узуальных ситуациях лексических конкретизаторов цикличности, частотности, обычности очевидно. Интересным представляются ситуации, в которых показателем узуальности выступает точное время. Так, если темпоральные маркеры с конкретным временем в ситуациях прошедшего (основного) времени на *-ған* локализуют действие (а), то в ситуациях настоящего (основного) времени на *-(п)ча* они становятся показателями узуальной временной НЛ (б), ср.: а) *Ол ибзер килген* ‘Он пришел домой’; *Ол ибзер 6 часта килген* ‘Он домой в 6 часов пришел’; *Ол ибзер килче* ‘Он домой идет’; б) *Ол ибзер 6 часта килче* ‘Он домой приходит в 6 часов’. Следует подчеркнуть, что в хакасском языке конкретизатор, обозначающий определенное время, служит преобразователем из ситуации временной Л в узуальную ситуацию НЛ исключительно для формы на *-(п)ча,* поскольку с другими формами презенса подобная вставка либо вообще невозможна (например, нельзя сказать **Ол ибзер 6 часта килир* или **Ол ибзер 6 часта киліп одыр*), либо выполняет иную функцию – уточнение узуальной ситуации (ср.: *Ол ибзер киледір* ‘Он домой приходит (обычно, всегда, постоянно)’ и *Ол ибзер 6 часта киледір* ‘Он домой в 6 часов приходит (обычно, всегда, постоянно)’).

Кроме того, по-разному могут проявлять себя показатели предельности (совершенности) в зависимости от их употребления в настоящем или прошедшем времени. Ср.: *Ол ирте парыбы**с**ча* ‘Он рано уходит’ (узуальное действие) и *Ол ирте парыбы**с**хан* ‘Он рано ушел’ (единичное действие). Выражение повторяемости формами совершенности в настоящем времени уже отмечалось исследователями хакасского языка В.Г. Карповым [Карпов, 1975: 186], Т.Н. Боргояковой [Боргоякова, 2002: 136]. Однако показатели предельности при участии формы на *-(п)ча* могут выражать узуальность не во всех контекстах. Так, в контекстах с прямой или опосредованной перцептивностью они лишены узуальной семантики и в зависимости от сочетаемостного глагола, кроме предельности, обозначают единичное или итеративное действие, ограниченное во времени конкретным эпизодом. Причем предельность итеративного действия заключается в завершенности повторяемого действия (ср.: *теерте атча* ‘стреляет в цель’ и *теерте атыбысча* ‘стреляет [и попадает] в цель (каждый раз)’ или *чүгүрче* ‘бежит/бегает’ и *чүгүрібісче* ‘убегает (каждый раз до какого-то предела)’). Приведем примеры неузуального употребления синтезированной формы предельности *-ыбыс/-ібіс*, восходящей к аналитической конструкции со вспомогательным глаголом *ыс-* ‘посылать, отправлять’ (*-ып ыс-*), в контекстах настоящего комментирующего (а), настоящего исторического (нарративного) (б): а) *Парааң, хызым, парааң (Оприс инейге турарға полыс*

[1]Томочакова О. Көглепчеткен профессор студенттерні аптаан // Хабар. 2015. 8 сентября (№ 102 (20914)). С. 5.
[2]Топоев И. Кӧйтік Миргенек = Хитрый Миргешка. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1991. С. 27.
[3]Шулбаева В. Указ. соч. С. 247.
[4]Топоев И. Указ. соч. С. 8.
[5]Кильчичаков М.Е. Указ. соч. С. 22.
[6]Шулбаева В. Указ. соч. С. 236.
[7]Казачинова Г., Халларов А. Той = Свадьба. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1979. С. 34.

пирче, олар парыбысчалар.)[1] ‘Пойдем, дочь, пойдем. (*Оприс помогает старушке встать, они уходят*)’; *Ол чи хайдаг андаг нимеңер полҷаң, пентесит? Сірер аны кисклебессер, я? (Валя врачха харгын нымгызыбысча.)*[2] ‘А как же оно у вас называется, аппендицит? Вы же не будете его вырезать, да? (Валя подмигнула врачу)’; б) *Анаң оолахтар ол тинтені ат сыхханнар. Пірееде теерте атыбысчалар, тинте хогдыри халча*[3] ‘Затем юноши начали стрелять в эту жестяную банку. Иногда попадают в цель и банка падает с грохотом’; *Кідіреде хатхырып ала, хыйа чүгүрібісче, пасха хазың кистінзер чазын**ыбыс**ча*[4] ‘Раскатисто смеясь, в сторону убежит и притаится за другой березой’.

В хакасском языке функционируют также аналитические показатели совершенности – глагольные аналитические формы с формантами *сал-* ‘класть’, *пар-* ‘идти (туда)’, *кил-* ‘идти (сюда)’, *хал-* ‘оставаться’, *түс-* ‘спускаться’ и др., которые могут иметь разные семантические оттенки и сочетаться с определенными глаголами. Мы остановимся на узуальном употреблении этих вспомогательных глаголов в форме на *-(п)ча*. Частотность их употребления, в частности формы на *-ыбыс*, в узуальных контекстах относительно высока и чаще всего они сочетаются с предельными глаголами: *Искенҷе ле ötіре сиіріп алча*[5] ‘С полуслова понимает’; *Хызы тогыстаң киліп, анынаң пір-ікі ле сöс чоохтазыбысча, анаң пір комнатазынзар чіде халча*[6] ‘Её дочь, придя с работы, немного перекинется с ней парой слов, потом исчезнет в сторону другой комнаты’. Узуально-итеративные маркеры (а) в подобных ситуациях усиливают семантику узуальности, а наличие в них обобщенных субъектов (б) указывает на генерализованную узуальность, характеризующуюся более высокой степенью обобщения: а) *Че Таис, андаг даа полза, часхарар сöс таап ла алча*[7] ‘Но Таис, несмотря на это, всегда находит слова для утешения’; *Ол Петкее маң пирбинче, че харбазыбыссалар, хаҷан даа ниңдір салча*[8] ‘Он ни чуть не уступает Петьке, но когда начнут бороться, то постоянно проигрывает’; б) *Часхыда хай пірее кізілер агас салааларын, агылып, суглыг ідіске сух салчалар*[9] ‘Весной некоторые люди приносят ветки деревьев и ставят в вазу с водой’. *Ноо даа кізі пу чир үстүнде хайдаг-да іс артыс салча*[10] ‘Любой человек на этой земле оставляет какой-то след’.

Таким образом, можно прийти к выводу, что хакасские синтетические и аналитические формы предельности, сочетаясь с формой на *-(п)ча*, выступают в качестве показателей узуальности в квалитативных конструкциях, описывающих качество, привычки конкретного субъекта или группы людей.

Вышерассмотренные глагольные аналитические формы *-ып тур, -ып одыр, -ып чöр,* кроме простой повторяемости, принимают участие в образовании узуальных ситуаций.

Если в высказываниях простой повторяемости среди этих форм основную функцию итеративности берет на себя форма *-п тур,* то здесь ведущую роль узуальности выполняет форма *-п чöр*: *Ирепий позы даа иргі-иргі киптер кис чöрче*[11] ‘Ирепий и сам старье носит’; *Чай тооза тастар ізептен чöрче. Аннаң хыйга ниме таап полбинча!*[12] ‘Все лето камни собирает. Больше ни на что ума не хватает!’ Так, форма *-п тур* для обозначения узуальности часто нуждается в узуально-итеративных конкретизаторах и (или) ограничительной частице *ла/ле* ‘лишь, только’, передающей в подобных конструкциях семантику частотности, постоянства: *Чылтыстар... Че оларга пасхазы чогыл, хаҷан даа харах*

[1]Шулбаева В. Указ. соч. С. 49.
[2]Кильчичаков М.Е. Указ. соч. С. 160.
[3]Топоев И. Указ. соч. С. 23.
[4]Султреков А.Е. Указ. соч. С. 11.
[5]Казачинова Г., Халларов А. Указ. соч. С. 53.
[6]Топоев И.П. Туганнар = Родные люди. Абакан: Хак. издат., 1992. С. 18.
[7]Казачинова Г., Халларов А. Указ. соч. С. 32.
[8]Казачинова М. Пістің аалның олганнары = Ребята нашего аала. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1991. С. 61.
[9]Топоев И. Указ. соч. С. 36.
[10]Идимешев М. Чайаачы кізілер көріндіре іс артысчалар // Хабар. 2017. 1 февраля (№ 11 (21126)). С. 6.
[11]Топоев И. Указ. соч. С. 78.
[12]Казачинова М. Указ. соч. С. 63.

сығыныс ла турчалар[1] ‘Звезды… Но им без разницы, всегда глазами моргают’; *Тиктең нимес аны махтап ла турчалар*[2] ‘Не зря его постоянно нахваливают’. Узуальные конструкции с формой *-п одыр,* как правило, описывают абстрактные состояния в процессе своего естественного течения, развития: *Кибірлернің чурты узун. Көп ниме алыс парча, олар халып одырча*[3] ‘Жизнь обычаев длинна. Многое меняется, а они остаются’; *Хайди таныхтапчалар, хыныс чылларнаң пиктең пик ле полып одырча*[4] ‘Как отмечают, любовь годами все крепчает’.

Нередко для обозначения узуальных, в том числе вневременных, ситуаций используются модальные средства выражения потенциальности (подробнее о потенциальной модальности в хакасском языке см. [Котожекова, 1998; Кызласова, 2021 и др.]). Что касается потенциально-узуальных ситуаций, то аналитические показатели потенциальности (*-ып пол-, -ып ал-, -ып піл-*) в форме на *-(п)ча* выражают узуальность при наличии абстрактных понятий или характеристике обобщенных субъектов, а с конкретными субъектами акцентируется их потенциальная качественность: *Ахча! Ахча прай ниме ит полча!*[5] ‘Деньги! Деньги все могут’; *Мал хадарчылары чайғыда, күскүде малны хысхыдағох чіли істеп пілчелер*[6] ‘Пастухи летом, осенью скот могут найти по следам’; *Ол хайдаг даа улуг сидіктең сығар оңдайын таап ла алча…*[7] ‘Он из любой трудной ситуации может найти выход’.

3. Вневременность считается «наивысшей степенью генерализации ситуаций в высказываниях типа сентенций, пословицах, суждениях о постоянных закономерностях» [Бондарко, 2017: 217].

В хакасском языке в гномических ситуациях, согласно проведенному анализу А.Н. Чугунековой, Н.Н. Таскараковой, функционирование форм настоящего времени в процентном соотношении уступают формам прошедшего и будущего времен [Чугунекова, Таскаракова, 2020].

Что касается формы на *-(п)ча,* то во вневременном значении она часто употребляется: *Чалғыс ағасты чил дее пазынҷахтапча, чалғыс кізіні пайлар пазынча*[8] ‘Одинокое дерево и ветер сгибает, одинокого человека баи гнетут’; *Чахсы кирек позы позын махтатча* ‘Доброе дело само себя прославляет’[9].

В некоторых гномических выражениях глагольные формы времени могут заменяться: *Маңзыраан сеек сүтке түсчең*[10] ‘Торопливая муха в молоко падает’; *Маңзыраан сеек сүтке түсче*[11] ‘Торопливая муха в молоко падает’; *Позың пілчезің, маңзыраан сеек сүтке түзедір…*[12].

Такая замена не влияет на логическое содержание пословицы, но эти высказывания отличаются модальными оттенками категоричности / некатегоричности. Наиболее ярко их отличия проявляются в отрицательном аспекте: *Кізі хазаазындағы малны санабинчалар*[13] ‘Чужой скот не принято считать’ и *Кізі хазаазындағы малны санабаҷаң* ‘Чужой скот нельзя считать’.

Так, пословицы с формой на *-ҷаң* имеют категоричный характер высказывания и характеризуются догматичностью, чрезмерной уверенностью в закономерности высказывания, осно-

[1]Доможаков Н.Г. Указ. соч. С. 91.

[2]Топоев И.П. Указ. соч. С. 30.

[3]Казачинова Г., Халларов А. Указ. соч. С. 35.

[4]Тюкпеева Н. Чылларны тобырып, хыныс пик ле полып одырча // Хабар. 2017. 29 сентября (№ 111 (21226)). С. 13.

[5]Топоев И. Таға сыхсаң, тайағың полам = Опора моя. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. С. 143.

[6]Доможаков Н.Г. Указ. соч. С. 90.

[7]Хызыл чазы = Красная степь / Кобяков В.А., Топанов А.М., Коков М.С., Кузугашев А.И. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1982. С. 40.

[8]Кильчичаков М.Е. Указ. соч. С. 29.

[9]Хыйға сөс = Мудрое слово [Сост., ред.: У.Н. Кирбижекова, Ю.И. Чаптыкова, Н.С. Чистобаева]. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 17.

[10]Хыйға сөс = Мудрое слово [Сост. У.Н. Кирбижекова, пер. с хакас. Я. Козловского]. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1976. С. 77.

[11] Субракова Н. Сөбіреде пос тілі чуртаза, аны хайраллирға ниик // Хабар. 2015. 4 сентября (№ 101 (20913)). С. 3.

[12]Султреков А. «Асхыс аал чоғыл», – таласханнар Сергей Карамчаковтың нанҷылары // Хабар. 2015. 23 октября (№ 122 (20934)). С. 15.

[13]Шулбаева В. Указ. соч. С. 51.

вывающейся на жизненном опыте предков (так было, так и есть, так будет): *Пизік палазы пис хубулчаң* ‘Грудной ребенок пять раз меняется’[1]; *Сӧӧктерзер хол сунмачаң* ‘На кладбище рукой не показывают (нельзя показывать)’[2]; *Кибірні киспечең, килегейге кӱлбечең* ‘Обычаи не нарушают (нельзя нарушать), над калекой не смеются (нельзя смеяться)’[3].

Соответственно форма на *-(п)ча* часто встречается в некатегоричных изречениях, в которых чаще всего подразумевается обыденность (такова реальность, обычно так бывает). Подобные половицы, в отличие от вышеприведенных высказываний, не дают готовых указаний, свод правил (запретов), а заставляют нас глубоко задуматься и учат быть предусмотрительным, делать правильный выбор на основе узуально-квалитативных, узуально-потенциальных и других узуальных явлений с вневременной семантикой: *Уйғучы тӱзінде дее узупча*[4] ‘Любящий поспать и во сне спит’; *Я, аххан суғлар ах парыбысча, атхан ух нандыра айланминча*[5]; *Суғ пазынаң пуртахталча* ‘Река мутится с истоков’[6].

IV. Обсуждение. У временной НЛ обычно выделяют три основных типа: «простая повторяемость», узуальность (обычность), вневременность, при этом понятие итеративности синонимично любой повторяемости. Широкое понимание итеративности может включать как «простую повторяемость», так и узуальную повторяемость, а узкая трактовка отграничивает итеративность от узуальности. Авторы, придерживающиеся более широкого понимания итеративности, соотносят ее с понятием любой повторяемости – мультипликативной, собственно итеративной, узуальной и др. Широкой трактовки мы придерживались при анализе глагольных средств выражения итеративности в хакасском языке [Кызласова, Кичеева, 2019]. В данной работе в аспекте временной НЛ мультипликатив и собственно итератив рассматриваются как подтипы «простой повторяемости», а узуальность выделяется отдельно.

Результаты носят предварительный характер и не претендуют на исчерпанность проблемы. Вероятно, дальнейшая разработка предлагаемого подхода позволит выявить и другие средства выражения временной нелокализованности в высказываниях с формой на *-(п)ча*, лексические средства выражения итеративности (в широком понимании данного термина) требуют более детального рассмотрения.

V. Заключение. Проведенный анализ ситуаций с формой на *-(п)ча* в хакасском языке дает основание заключить, что оппозиция в них временной Л/НЛ зависит от актуальности / неактуальности высказывания, семантики глагола, конкретности / обобщенности субъекта действия и т. п. Настоящие результаты подтверждают, что данная форма в хакасском языке является универсальной, т. е. способной функционировать не только в разных видах настоящего времени, но и во всех основных типах временной НЛ: простой повторяемости, узуальности, вневременности.

В этом аспекте исследование показало, что каждый из этих типов временной НЛ характеризуются своими лексическими, лексико-грамматическими, синтаксическими средствами и контекста в целом.

Так, к средствам выражения простой повторяемости относятся глаголы с внутренней семантикой итератива (при сочетании с аналитическими формами *-(ы)п одыр-, -(ы)п чӧр-* уточняют характер итеративного действия в окне наблюдения), форма многократности *-ғла,* аналитическая форма *-(ы)п тур-,* аффикс реципрока *-ыс* (с мультипликативными глаголами в полисубъектных высказываниях), итеративные обстоятельства, синтаксические конструкции и др.

Узуальность выражается глаголами занятия, поведения, времяпрепровождения, лексическими конкретизаторами с узуально-итеративной семантикой, синтаксическими конструкциями, аналитическими формами потенциальной модальности (*-ып пол-, -ып ал-, -ып піл-*), а также формой *-ып чӧр-* и т. п. Кроме того, в определен-

[1]Хыйға сӧс. 2021. С. 23.
[2]Там же. С. 28.
[3]Там же. С. 69.
[4]Хыйға сӧс. 1976. С. 86.
[5]Шулбаева В. Указ. соч. С. 264.
[6]Хыйға сӧс. 2021. С. 29.

ных условиях узуальную семантику действию или ситуации в целом могут придавать темпоральные маркеры с фиксированным временем, формы предельности (*-ыбыс, -ып сал-, -ып пар-, -ып кил*-и др.).

Вневременные ситуации с формой *-(п)ча*, как и во многих языках, находят свое выражение в пословицах, поговорках, афористических высказываниях и т. п. Выявлены модальные отличия между пословицами при участии форм на *-(п)ча* и *-ҷаң*. Дальнейшее изучение специфики функционирования других финитных форм может расширить объяснение выбора той или иной формы с точки зрения коммуникативной лингвистики и т. п.

В целом анализ синтаксической конструкции с определенной формой может рассматриваться как перспективное направление, поскольку мы убедились, что в хакасском языке одни и те же средства языка по-разному влияют на семантику временной Л / НЛ.

Список литературы:

Бондарко А.В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис [Отв. ред. А.В. Бондарко]. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 210–233.

Боргоякова Т.Н. Биверальные конструкции с аспектуальной семантикой длительности в хакасском языке // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. 2005. Вып. IX. С. 82–87.

Боргоякова Т.Н. О функционально-семантических особенностях форманта *-п одыр* в хакасском языке // Российская тюркология. 2013. № 2 (9). С. 10–24.

Боргоякова Т.Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями (на материале хакасского языка). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. 172 с.

Боргоякова Т.Н. Темпоральные и аспектуальные компоненты в семантической структуре глагольных аналитических конструкций в хакасском языке // Вопросы тюркской филологии. Выпуск XI: мат-лы Дмитриевских чтений. М.: ООО «Издательство МБА», 2016. С. 30–42.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Бурнакова К.Н., Боргоякова Т.Н. Глагольные аналитические образования и их роль в формировании видовременной системы в тюркских языках Южной Сибири // Вопросы тюркской филологии. Вып. XIII: мат-лы Дмитриевских чтений. М.: Изд-во МБА, 2020. С. 72–80.

Бурнакова К.Н. О некоторых проблемах обучения хакасскому языку как государственному языку Республики Хакасия и представлении временных форм в УМК // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 3 (15). С. 25–32.

Дмитриев Н.К., Исхаков Ф.Г. Вопросы изучения хакасского языка. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1954. 138 с.

Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка: фонетика и морфология. Абакан: Хакоблнациздат, 1948. 124 с.

Карпов В.Г. Изъявительное наклонение // Грамматика хакасского языка [Под ред. Н.А. Баскакова]. М.: Наука, 1975. С. 200–230.

Котожекова З.П. Модальное значение возможности в хакасском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1998. С. 164–180.

Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида [Сост., ред., вступ. статья и примеч. проф. Ю.С. Маслова]. М.: Изд-во иностр. лит., 1962 С. 105–167.

Кызласова И.Л. Категориальные ситуации модальности в хакасском языке // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках: коллективная монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. С. 103–114.

Кызласова И.Л., Кичеева К.В. Глагольные средства выражения итеративности в хакасском языке // Российская тюркология. 2019. № 1–2 (22–23). С. 29–38.

Кызласова И.Л. Конативные ситуации, выраженные модификатором *кӧр*- («смотреть»), в хакасском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 9. С. 11–16.

Кызласова И.Л. Ситуации реципрока (взаимно-совместного залога) в хакасском языке по данным электронного корпуса // Восьмая Международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков «TurkLang-2020». Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2020а. С. 227–234.

Кызласова И.Л. Способы действия интенсивной аспектуальности в хакасском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2020б. № 3 (33). С. 71–77.

Смирнов И.Н. Временная нелокализованность действия и ее выражение в древнерусских текстах // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте [Отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская]. М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 270–288.

Таскаракова Н.Н., Чугунекова А.Н. Употребление форм грамматического времени в пословицах и поговорках хакасского языка // Казанская наука. 2020. № 5. С. 146–148.

Словари:

Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Изъявительное наклонение // Хакасско-русский словарь: около 14000 слов. С прил. очерка «Хакасский язык». М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. С. 450–459.

References:

Baskakov N.A., Inkizhekova-Grekul A.I. Iz"yavitel'noe naklonenie [Indicative mood]. *Khakassko-russkiy slovar': okolo 14000 slovar'. S prilozheniem ocherka "Khakasskiy yazyk"* [Khakass-Russian Dictionary: about 14,000 words. With the essay "Khakass Language"]. Moscow: Foreign and National Dictionaries Publ., 1953. Pp. 450–459. (In Khakass, Russian)

Bondarko A.V. Vremennaja lokalizovannost' [Temporal Localization]. *Teorija funkcional'noj grammatiki. Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis* [Theory of the functional grammar. Introduction, aspectuality, temporary localization, and taxis] [Ed. A. V. Bondarko]. Moscow: LENAND, 2017. Pp. 210–233. (In Russian)

Borgojakova T.N. Biveral'nye konstrukcii s aspektual'noj semantikoj dlitel'nosti v hakasskom jazyke [Biverbal constructions with the aspectual semantics of duration in the Khakass Language]. *Ezhegodnik Instituta sajano-altajskoj tjurkologii* [Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkology]. 2005. Issue IX. Pp. 82–87. (In Russian)

Borgojakova T.N. O funkcional'no-semanticheskih osobennostjah formanta -p odyr v hakasskom jazyke [On functional-semantic peculiarities of the formant *-p odyr* in the Khakass Language]. *Rossijskaja tjurkologija* [Russian Turkology]. 2013. № 2 (9). Pp. 10–24. (In Russian)

Borgojakova T.N. Sposoby vyrazhenija vremennyh otnoshenij mezhdu dvumja sobytijami (na materiale hakasskogo jazyka) [Ways of expressing temporary relations between two events (based on the Khakass Language)]. Moscow: Peoples' Frendship University of Russia Publ., 2002. 172 p. (In Russian)

Borgojakova T.N. Temporal'nye i aspektual'nye komponenty v semanticheskoj strukture glagol'nyh analiticheskih konstrukcij v hakasskom jazyke [Temporal and aspectual components in the semantic structure of verbal analytical constructions in the Khakass Language]. *Voprosy tjurkskoj filologii. Vypusk XI: mat-ly Dmitrievskih chtenij* [Issues of Turkic philology. Issue XI: Proceedings of Dmitriev Readings]. Moscow: Publ. MBA, 2016. Pp. 30–42. (In Russian)

Bulygina T.V., Shmelev A.D. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow: School "Languages of Russian culture", 1997. 576 p. (In Russian)

Burnakova K.N., Borgojakova T.N. Glagol'nye analiticheskie obrazovanija i ih rol' v formirovanii vidovremennoj sistemy v tjurkskih jazykah Juzhnoj Sibiri [Verbal analytical formations and their role in the formation of the aspect-tense system in the Turkic Languages of South Siberia]. *Voprosy tjurkskoj filologii. Vypusk XIII: mat-ly Dmitrievskih chtenij* [Issues of Turkic philology. Issue XIII: Proceedings of Dmitriev Readings]. Moscow: Publ. MBA, 2020. Pp. 72–80. (In Russian)

Burnakova K.N. O nekotoryh problemah obuchenija hakasskomu jazyku kak gosudarstvennomu jazyku Respubliki Hakasija i predstavlenii vremennyh form v UMK [On some problems of teaching the Khakass Language as the state language of the Republic of Khakassia and the representation of tenses in the educational and methodological complex]. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja* [Sayan-Altai Scientific Review]. 2016. № 3 (15). Pp. 25–32. (In Russian)

Dmitriev N.K., Ishakov F.G. Voprosy izuchenija hakasskogo jazyka [Issues of studying the Khakass Language]. Abakan: Khakass Publ., 1954. 138 p. (In Russian)

Dyrenkova N.P. Grammatika hakasskogo jazyka: fonetika i morfologija [Khakass grammar: phonetics and morphology]. Abakan: Khakoblnatsizdat, 1948. 124 p. (In Russian)

Karpov V.G. Iz"javitel'noe naklonenie [Indicative mood]. *Grammatika hakasskogo jazyka. Redaktor N.A. Baskakov* [Grammar of the Khakass Language. Edit by N.A. Baskakov]. Moscow: Science Publ., 1975. Pp. 200–230. (In Russian)

Kotozhekova Z.P. Modal'noe znachenie vozmozhnosti v hakasskom jazyke [The modal meaning of possibility in the Khakass Language]. *Jazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples in Siberia]. Novosibirsk: The Institute of Philology the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. Pp. 164–180. (In Russian)

Koshmider Je. Ocherk nauki o vidah pol'skogo glagola. Opyt sinteza [An outline of the science of the types of the Polish verb]. *Voprosy glagol'nogo vida. Sostavitel i redactor Iu.S. Maslova* [Experience of synthesis. Questions of the verb form. Compiled and edit by Iu.S. Maslova]. Moscow: Foreign Literature Publ., 1962. Pp. 105–167. (In Russian)

Kyzlasova I.L. Kategorial'nye situacii modal'nosti v hakasskom jazyke [Categorical situations of modality in

Khakass Language]. *Modal'no-ocenochnye konstrukcii v mongol'skih i tjurkskih jazykah: kollektivnaja monografija* [Modal-evaluative constructions in the Mongolian and Turkic Languages: the collective monograph]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2021. Pp. 103–114. (In Russian)

Kyzlasova I.L., Kicheeva K.V. Glagol'nye sredstva vyrazhenija iterativnosti v hakasskom jazyke [Verbal means of expressing iterativeness in the Khakass Language]. *Rossijskaja tjurkologija* [Russian Turkology]. 2019. № 1-2 (22-23). Pp. 29–38. (In Russian)

Kyzlasova I.L. Konativnye situacii, vyrazhennye modifikatorom kör- ("smotret'"), v hakasskom jazyke [Conative situations expressed by the modifier kor- "watch" in the Khakass Language]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova* [Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University]. 2014. № 9. Pp. 11–16. (In Russian)

Kyzlasova I.L. Situacii reciproka (vzaimno-sovmestnogo zaloga) v hakasskom jazyke po dannym jelektronnogo korpusa [Situations of reciprocity (mutual-joint voice) in the Khakass Language according to the electronic corpus]. *Vos'maja Mezhdunarodnaja konferencija po komp'juternoj obrabotke tjurkskih jazykov "TurkLang-2020"* [The 8th International Conference on Computer Processing of the Turkic Languages "TurkLang-2020"]. Ufa: The Institute for History, Language, and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020a. Pp. 227–234. (In Russian)

Kyzlasova I.L. Sposoby dejstvija intensivnoj aspektual'nosti v hakasskom jazyke [Ways of action of intensive aspects in the Khakass Language]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova* [Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University]. 2020b. № 3 (33). Pp. 71–77. (In Russian)

Smirnov I.N. Vremennaja nelokalizovannost' dejstvija i ee vyrazhenie v drevnerusskih tekstah [Time non-localization of action and its expression in Old Russian texts]. *Problemy funkcional'noj grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i celostnom tekste. Edit by A.V. Bondarko, V.V. Kazakovskaya* [Problems of functional grammar. Predicative categories in an utterance and integral text. Edit by A.V. Bondarko, V.V. Kazakovskaya]. Moscow: Languages Slavic culture Publ., 2018. Pp. 270–288. (In Russian)

Taskarakova N.N., Chugunekova A.N. Upotreblenie form grammaticheskogo vremeni v poslovicah i pogovorkah hakasskogo jazyka [The use of forms of grammatical tense in proverbs and sayings of the Khakass Language]. Kazan Science. 2020. № 5. Pp. 146–148. (In Russian)

K.V. Kicheeva

Time Non-Localization of Present Tense Situations with Form -*(p)cha* in the Khakass Language

The scientific novelty is determined by the fact that for the first time in Khakass linguistics non-localized in time situations with form -*(p)cha* are analyzed in the functional-semantic aspect. *The aim* of the article is to describe the types of time non–localization and to identify the means of their expression in present-time situations with form -*(p)cha* in the Khakass Language. To achieve this purpose, the following *tasks* are set: 1) to study the theoretical concept of time non-localization; 2) to identify the means of expressing time non-localization in statements with form -*(p)cha*; 3) to determine the conditions for the implementation of the same language units in different types of time non-localization. *Research methods.* The main method is the functional-semantic analysis, as well as the linguistic experiment, methods of literal and semantic translation.

Results. The analysis of situations of time non-localization with form -*(p)cha* shows that in view of the neutrality to the opposition of time localization/non-localization, the expression of one or another meaning depends on the context. Linguistic means of different levels (from morphological to syntactic) are distinguished and described in which the expression of time non-localization is most vividly represented. Thus, the main means of expressing simple repeatability, usuality, timelessness are identified and described. Special attention is paid to specific indicators of time non-localization, characteristic only for situations involving -*(p)cha* form.

Keywords: Khakass Language, Present tense, indicative, category of time localization, time non-localization, simple repeatability, usuality, timelessness